ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЧЕЛОВЕК В ИНТЕРЬЕРЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2017

УДК 80/81
ББК 81
Л 69

Редакционная коллегия:
чл.-корр. РАН *Н. Д. Арутюнова* (отв. ред.),
д. филол. н. *М. Л. Ковшова*,
д. филол. н. *Т. Е. Янко*,
к. филол. н. *С. Ю. Бочавер*

Л 69 Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК; Языки славянской культуры, 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-94457-289-9

Сборник «Человек в интерьере» посвящен концептуальному анализу дихотомии внутренняя vs. внешняя жизнь человека в отражении языка, культуры и различного рода текстов: литературных, конфессиональных, философских. Статьи, включенные в сборник, описывают языковые средства локализации человека в пространстве, представляют языковые техники изображения внутреннего мира человека, состояний его души, тела, его жилища, мест обитания. Рассматриваются предикаты состояний, синтаксис, семантика, коммуникативная структура, вид, грамматическое время и модальность введения в рассмотрение, появления на сцене и локализации. Исследуется проблема существования человека в символическом мире языка, мифа, религии, искусства и литературы. В сборник вошли статьи, посвященные следующим конкретным проблемам: синтаксису предложений состояния как действия неконтролируемой стихийной силы, анализу понятия жилища в фольклоре, отражению внутреннего мира человека и окружающего его мира в романских, германских, африканских и классических древних языках.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-94457-289-9

© Авторы, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Языки славянской культуры, 2017

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 9

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА, ДИСКУРС

Циммерлинг А. В. Внутри и снаружи: к типологии предикатов состояния 17
Шилихина К. М. Дискурсивные маркеры как «интерьер» высказывания 42
Труб В. М. О некоторых языковых средствах введения в рассмотрение 53
Трахтенберг Л. А. Поэтика портрета и парадигматическая композиция в журнале Н. И. Новикова «Трутень» 68
Семенова С. Ю. Обозначение человеческого характера как параметрическое имя 83
Радбиль Т. Б. «Тело» vs. «вещь» в конструкциях с предлогом *от* (к проблеме концептуальных различий в естественном языке) 94
Григорьян Е. Л. Внешнее и внутреннее в человеке: синтаксический аспект 105
Гордиевская М. Л. Локативные конструкции в записях Т. Фенне и Г. В. Лудольфа и их проекция на современную разговорную речь 110

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Ануфриев А. А. Испанские предикаты внутреннего состояния и их прономинальные варианты 119
Зайнульдинов А., Керо Хервилья Э. Опыт создания прагмалингвистического словаря эмоционально-оценочной лексики 133
Киосе М. И. Изменчивый образ человека в непрямых и прямых номинациях в тексте 149

Крылова Э. Б. Человек в интерьере или интерьер с человеком: о выражении пространственных отношений в датском языке 161
Макеева И. И. «Стояше акы болван…» 172
Малышев А. А. Подзвездный, подлунный, поднебесный, подоблачный и подсолнечный миры в русской языковой картине мира XVIII века 184
Мед Н. Г. «Маски» человека в испанской лексике и фразеологии 195
Михайлова Т. А. «У нее голубые глаза и короткая серая юбка»: к вопросу о коммуникативной стратегии предложений «введения в рассмотрение» в традиционных дескрипциях . 204
Мищенко Д. Ф. Презентативная копула *kà* в лоома 215
Труб В. М. К проблеме семантической интерпретации употреблений существительных *угроза*, *опасность*, *риск* . . 225
Цветаева Е. Н. О закрытых дверях и о закономерности одной тавтологии в немецких фразеологизмах 246
Шершукова О. А. «Что это сердце сильно так бьется…»: способы передачи внутреннего состояния человека в португальском языке 254
Эдельман Д. И. Человек в реальном и мысленном пространстве и времени (иранские языки) 265

ЧЕЛОВЕК В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Несуществующие жесты в русской идиоматике 274
Ляпон М. В. Интерьер как фигуральный предикат в эксперименте писателя 285
Рябцева Н. К. «Космических масштабов индивидуал»: человек в современном виртуальном пространстве 297
Сечин А. Г. Физиогномика как собрание референциальных метафор и их роль в изобразительном искусстве 312
Усачева А. В. Человек в материальном мире: предметы как символы в произведениях Э. Ионеско 325
Фролова О. Е. Интерьер традиционного жилища сквозь призму жанра загадки 333
Фещенко В. В. Лингвоэстетика текста в окружающем пространстве: ландшафтная поэзия Яна Финлея 342

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭЗИИ

Азарова Н. М. Как обустраивается «вечность» в русской поэзии XX—XXI вв. 355
Масленникова Е. М. Интерьер как часть (не)переводимого кода эпохи 366
Орлицкий Ю. Б. Стансы: от комнаты к строфе и жанру (из истории одного принципиально нечеткого филологического явления и понятия). 378
Тарасова М. А. Новые слова — номинации человека по действию в пространстве языка поэзии 390
Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Человек в его отношении к интерьеру в поэзии Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) 400

ЧЕЛОВЕК В СИМВОЛИЧЕСКОМ МИРЕ

Вдовиченко А. В. Об источнике смыслообразования в вербальном действии. Опыт интерпретации Н. Д. Арутюновой и Аквилы 415
Никитина С. Е. О внутреннем мире человека на фоне конфессиональной группы 423
Порхомовский В. Я., Кассюто Ф. Лицо как врата во внутреннее пространство (лексическая семантика в Ветхом Завете) 438
Постовалова В. И. Человек как образ и подобие Божие в православном миросозерцании (опыт теолингвистического осмысления) 450
Яковенко Е. Б. «О, кто бы мне помог освободиться…» (спор души и тела в английской поэзии) 463

Информация об авторах 474

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник «Человек в интерьере» продолжает четвертьвековую традицию сборников и конференций в серии «Логический анализ языка». Конференция «Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке» состоялась 13—15 Мая 2015 г. в Институте языкознания РАН в Москве. В продолжение традиции настоящий сборник посвящен концептуальному анализу дихотомии: внутренняя vs. внешняя жизнь человека в отражении языка, культуры и различного рода текстов: литературных, конфессиональных, философских. Статьи, включенные в сборник, трактуют языковые средства локализации человека в пространстве, проблемы бытия, бытования и появления человека в определенном месте и в определенное время, языковые техники отображения внутреннего мира человека, состояний его души, тела, его жилища, мира человека как места обитания. Рассматриваются предикаты состояний, синтаксис, семантика, коммуникативная структура, вид, грамматическое время и модальность введения в рассмотрение, появления на сцене и локализации. Исследуется проблема существования человека в символическом мире языка, мифа, религии, искусства и литературы. Среди участников сборника авторы, научная судьба которых связана с традицией «Логического анализа» со времени основания кружка, а также новые исследователи, которые сочетают в своих работах следование традиции с выдвижением современных концепций, разработкой новых технологий, использованием корпусов языковых данных.

Интерьер в нашей книге понимается в основном широко, это понятие раскрывается не только через смыслы, относящиеся к сфере обжитой и упорядоченной обители человека, но и через более общие понятия пространства, локализации, бытования и появления объекта в некоей точке бытия, соотношение души и тела, горнего и дольнего, чувственного и духовного. Зачин статьи В. И. Постоваловой может служить введением в нашу книгу в целом: «Метафорически сформулированная тема нашей конференции “Человек в интерьере”

допускает самое широкое истолкование подходов в видении человека. В наиболее распространенном словоупотреблении интерьер (от фр. *intérieur* ‘внутренний’) означает оформленное (художественно и архитектурно) внутреннее помещение здания. Иначе говоря, внутреннюю часть чего-то. Применительно к антропологической реальности в качестве такого “чего-то”, внутри которого пребывает человек, могут выступать самые разные моменты этой реальности — и общество, и весь природный, культурный и духовный мир, и даже самосознание человека и его миросозерцание в целом».

Начнем с блока работ, в которых непосредственно фигурируют ключевые слова интерьера, — это статьи, в которых окна, двери, портьеры, столы и стулья, печи, замки и ключи служат одновременно и фоном, и отражением фигуры человека и его внутреннего мира. Статья О. Е. Фроловой посвящена терминам интерьера русской избы в метафорическом осмыслении русской загадки: *Двое ходят, Двое бродят, Двое сойдутся, Приобоймутся, Поцелуются* (дверь); *Четыре брата Одним кушаком подпоясаны, Под одной шляпой стоят* (стол); *Висит Анюта Нога загнута, Пришел Панюта, В дырочку подудел, Дырочка отмкнулась, Нога отогнулась* (ключ, замок).

В работе Е. Н. Цветаевой раскрывается понятие двери в немецкой фразеологии: *den Fuß in die Tür kriegen / bekommen* ‘получить возможность участия в чем-л., возможность оказывать влияние на что-л.’, *букв*. ‘успеть просунуть ногу в дверь’; *einer Sache Tür und Tor öffnen* ‘открыть дорогу чему-л., как правило, негативному’, *букв*. ‘открыть дверь и ворота чему-л.’.

Нельзя при этом не заметить, что и в русской «дверной» фразеологии представлена идиоматическая сочетаемость ключевых слов *дверь* и *двери*, которые «открывают дверь» во внутренний мир человека, стоящего под дверями, стучащегося во все двери, ломящегося в открытую дверь, обивающего пороги всех мыслимых и немыслимых дверей, человека, которому было указано на дверь, и, наконец, того счастливца, перед которым открылись все двери.

Исследование Л. Л. Шестаковой и А. С. Кулевой раскрывает роль интерьера при изображении внутреннего состояния лирического героя в поэзии Серебряного века. Авторы говорят о том, что «упоминаемые поэтами детали далеко не всегда сугубо поэтичны — это могут быть вешалка или гвоздик, ее заменяющий, ночной столик, скатерть, столовый прибор и т. п. Соответствующие номинации приобретают символический характер (как у Цветаевой стол — символ поэтического творчества), нередко вовлекаются в образные контексты...»: *...Зверь*

моря синемехий и синебурый Бьется в берег шкурой. Подушка — камень, Терновник — полог, Прибои моря — простыня, А звезд ряды — ночное одеяло (Хлебников); *... Во льду река и мерзлый тальник, А поперек, на голый лед, Как зеркало на подзеркальник, Поставлен черный небосвод* (Пастернак); *Уничтожиться, канув В этот омут безликий, Прямо в одурь диванов, В полосатые тики!..* (Анненский); *Весь воздух выпили тяжелые портьеры, На театральной площади темно* (Мандельштам).

Статья Е. М. Масленниковой посвящена проблеме перевода интерьерных терминов с языка русской классической литературы на английский и с английского на русский с точки зрения культурных соответствий, закрепленных в языке. Как перевести бытовой термин, не исказив реалий и духа эпохи, как восполнить при переводе культурную и, соответственно, языковую лакуну? (Ср. проблему перевода русского термина *светелка* и его ближайшего английского коррелята *cottage with attic*.) Автор анализирует интерьерные термины и их переводные соответствия в интерпретации различных переводчиков при переводе Пушкина, Диккенса, Булгакова, Моэма. «…Комплекс “дом — очаг” присутствует в святочном рассказе Ч. Диккенса (1812—1870) “A Christmas Carol” / “Рождественская песнь” (1843) и в романе М. А. Булгакова (1891—1940) “Белая гвардия” (1925—1927), где огонь домашнего очага не только согревает, но и объединяет поколения живущих в доме людей. В Англии облицовку камина часто украшали голландским кафелем (Dutch tiles)... <…>: *The fireplace was an old one… paved all round with quaint Dutch tiles, designed to illustrate the Scriptures…* (Ch. Dickens...). О счастливом детстве героям М. А. Булгакова напоминает *изразцовая печка в столовой*, вокруг которой семья объединяется в тяжелые дни: *Много лет до смерти… изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади “Саардамский Плотник”... Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжелое время живительный и жаркий* (Булгаков...)».

В статье А. В. Усачевой говорится о символической роли предметов и интерьеров в изображении пустоты, одиночества и смерти в драматургии Э. Ионеско: незанятые стулья у Ионеско — это воплощение пустоты жизни. «Сюжет, по словам Ионеско, — это не пьеса. Пьеса — это стулья и все, что с ними связано. Стулья пусты, потому что никого нет. <…> В пьесе “Носорог” (1959) важным символом

являются лестницы и лестничные пролеты. По ходу действия, когда всё больше жителей города оносороживаются, лестницы в домах рушатся. И в конечном итоге Беранже остается в квартире на лестничной клетке, у которой нет лестниц, — и, хотя герой видит, что другой мир существует, он не может в него попасть, он одновременно соединен с ним и отрезан от него». Автор статьи заключает, что анализ предметов — желтых стульев, синих кушеток, лестниц и лестничных пролетов — не менее важен для понимания драматургии Ионеско, чем исследование его идей и языковых приемов.

Стансам как «комнатному» поэтическому жанру (итал. *stanza* — комната, остановка, покой) посвящена статья Ю. Б. Орлицкого. На примерах из Байрона, Пушкина, Мандельштама, Бродского, О. Седаковой автор рассматривает упорядоченную композицию, строфику и рифмовку стансов, строящихся по модели расположения комнат в доме. В частности, в стансах Бродского автор находит признаки несоблюдения традиционной структуры: «Заглавие “Новые стансы к Августе” очевидно обыгрывает название известного лирического стихотворения Байрона, обращенного к сестре... Байроновы стансы, как правило, написаны равностопными четверостишиями. В отличие от них, цикл Бродского написан вольным ямбом с неупорядоченной рифмовкой, строфы невелики по размерам и не разбиты на строки».

В работе В. В. Фещенко интерьерная составляющая темы сборника раскрыта как анализ роли ландшафта в творчестве поэта и художника Я. Финлея. Статью иллюстрируют фотографии сада Финлея, в котором на камнях, оградах, калитках и мемориальных урнах начертаны поэтические тексты.

Далее. Важнейшей составной частью «Человека в интерьере» стал блок статей, где обсуждаются не комнаты, избы, стулья, подзеркальники и лестничные пролеты, а более абстрактные понятия, обращенные собственно к языку, отражающему физическое и духовное пространство человека. Статья В. М. Труба называется «О некоторых языковых средствах введения в рассмотрение». К языковым способам, отражающим идею появления и нахождения объекта в некоторой точке бытия, автор относит предложения о повторяющихся ситуациях, описание которых начинается с кванторных слов *часто*, *иногда*, *время от времени*, *изредка*: ***Иногда**, в тихий весенний вечер Мария садилась пригорюнившись у окна.*; предложения с препозицией глагола, обозначающего начало (*Настала весна*), и в частности глагола, интерпретируемого как лексическая функция Incep (*рождается замысел*, *заводить привычку*). Очевидную интродуктивную функцию введения

в рассмотрение выполняют глаголы восприятия *видеть*, *слышать*, *чувствовать*, *ощущать*, наречия со значением неожиданности (*Внезапно приехал Иванов*).

Статьи А. А. Ануфриева об испанских предикатах внутреннего состояния, А. Зайнульдинова и Э. Керо Хервильи о создании «Русско-испанского словаря эмоционально-оценочной лексики», Н. Г. Мёд об испанской оценочной лексике и фразеологии продолжают одну из традиционных линий «Логического анализа языка» — это анализ вклада испанского языка в раскрытие внутреннего мира человека.

Проблемам диалога души и тела посвящены работы Е. Л. Григорьян по синтаксису внешних и внутренних состояний человека на русском, английском и французском материале и Е. Б. Яковенко по сопоставительному анализу соотношения души и тела человека в Ветхом Завете, Новом Завете и в английской поэзии. «В Ветхом Завете душа и тело не противопоставлены друг другу и вместе образуют единое целое. Выражение “душой и телом” указывает не на два различных элемента, а на их единство, целостность человеческой природы (ср. Пс. 72:26; 83:3). <…> В Новом Завете… душа… чаще… понимается как нематериальная сущность, духовное начало, возвышающее человека над миром, как высшая его ценность…» Далее автор на материале английских поэтических текстов, относящихся к разным историческим периодам, раскрывает пути автономизации тела от души и коллизии, возникающие в диалогах между телом и душой.

В работах Э. Б. Крыловой на датском материале и Д. И. Эдельман на материале иранских языков иллюстрируются сложные пространственные оппозиции, отсутствующие в большинстве европейских языков. Э. Б. Крылова говорит о склонности датского дискурса к точной детализации направления движения и расположения предмета в пространстве: датск. *Jeg skal ud* / *ind* / *ned* / *hen* / *over* / *om til lægen om lidt* ‘Я скоро пойду из / в / вниз / — / через преграду / за к врачу’. Автор пишет: «...активное использование показателей пространственной локализации не является одинаково характерным для всех скандинавских языков. Так, однажды, делясь своим опытом, известная датская писательница и переводчик Ида Йессен заметила, что при переводе шведских художественных произведений на датский язык переводчики часто бывают вынуждены изучать карту описываемой местности и вставлять в текст перевода необходимые пространственные наречия, чтобы тот воспринимался как датский». Аналогично в работе Д. И. Эдельман указывается на то, что «в языках Памира… установилась стройная триада предлогов пространственной ориентации

по вертикали: “выше” — “на том же горизонтальном уровне” — “ниже”... <…> ...расселение носителей памирских языков в другие регионы, в большие города (в частности, большое число их живет постоянно в Москве) снимает “вертикальный ориентир” в виде главной реки долины, и здесь возможны либо смена ориентиров, либо переход на чисто горизонтальную систему, отмирание “вертикали”».

В статье А. В. Циммерлинга обсуждаются семантика и синтаксис предикатов внешних (*Здесь мокро*) и внутренних (*Мне холодно*) состояний психики и физиологии человека. Обсуждаются существующие в лингвистике классификации предикатов состояния по наличию / отсутствию агентивного субъекта, соотнесенности с предикатами локализации (*Я не в своей тарелке*), наличию соответствующих адвербиальных и адъективных коррелятов (*Мне грустно* / *грустно посмотрел* / *грустный* vs. *Мне тошно* / **тошно выглядит* / **тошный*), а также существующие подходы и гипотезы в связи с парадигматическими связями предикатов состояния в различных языках (ср. древнеисл. *Honum var eldiviðar-fátt* (*букв*. ‘Ему было малохворостно’), где в ранг категории состояния возводится ситуация недостатка хвороста и морфологическая структура предиката состояния непосредственно соотносится с морфемами *eldivið* ‘хворост’, *-ar* ‘родительный падеж’, *fátt* ‘мало’). Работа содержит детальный пересказ обсуждения проблемы предикатов состояния, которое возникло в рамках работы секции на конференции «Человек в интерьере».

Семантика внутреннего состояния страха, немоты и неподвижности, выражаемая лексемой *болван*, на материале Сказания об Агрике и его сыне Василии (перевод с греческого) раскрывается в статье И. И. Макеевой. Сказание представлено различными чтениями и пересказами, начиная с памятников древнерусского языка XII века. Автор представил детальное обсуждение исторического развития семантики лексемы *болван*, а также лексем, выражающих аналогичные состояния ума, души и тела человека (*пень*, *соляной столб*).

Остановимся на некоторых работах, в которых обсуждаются различные проблемы семантики состояния, локализации, бытования, внешнего vs. внутреннего, части и целого. В работе А. А. Малышева на материале русской литературы XVIII века обсуждается зафиксированный в значениях лексем *подзвездный*, *подлунный*, *подсолнечный*, *подоблачный* и *поднебесный* взгляд человека на окружающий мир. Автор устанавливает различия миров по анализу сочетаемости соответствующих лексем в литературных текстах. Так, *подзвездный мир* встречается «в творчестве… двух авторов: Е. И. Кострова

и Г. Р. Державина. У обоих поэтов употребление слова *подзвездный* связано с возвышенной темой и обнаруживает достаточно широкую сочетаемость: у Кострова ангелы любуются на *подзвездный дол*, а таланты наследника престола удивляют *подзвездный круг*, у Державина все случаи связаны с Богом: из *подзвездной светлости* Бог оберегает Россию, *подзвездные орлы* отдыхают перед храмом, *подзвездные ливанские кедры*, принадлежащие Богу, даруют живительную прохладу… Слово ***поднебесный*** датируется XII—XIII вв. и обнаруживает отчетливую связь с земным миром… *Под всей поднебесной находятся подлецы* (1778)». Автор заключает, что наличие «у лексем, обозначающих подмиры, как разветвленной, так и устойчивой сочетаемости и дериватов свидетельствует о важности их места в языковой картине мира».

В статье С. Е. Никитиной говорится о внутреннем мире человека, находящегося внутри закрытой конфессиональной группы (статья посвящена старообрядцам), и о его отношении к миру, лежащему вне конфессии, к которой он принадлежит. Автор показывает, что закрытой конфессиональной группе присуще обостренное самосознание, тесно связанное «с ощущением самодостаточности группы / общины и определенной отгороженности ее от мира», что «конфессиональные группы старались жить согласно сектантскому изречению: “Мы живем в мире, но не являемся его частью”». Ядром культурно-религиозного самосознания и группы, и отдельного лица является осознание своей идентичности, принимающей разные культурные формы (специфика одежды, пищевые запреты и др.) и выраженной более всего в разных вербальных самоидентификационных текстах. Статья посвящена анализу текстов и их интерпретации в среде старообрядцев.

Существенную часть сборника занимают работы, посвященные структуре особого духовного пространства, создаваемого поэтическим произведением. В работе Н. М. Азаровой говорится о концепте вечности, который нечасто используется в обыденном дискурсе и имеет литературный статус «поэтизма». Автор говорит о том, что в апелляции к термину *вечность* «особое место занимают символисты, которые “задали тон” *вечности* для русской поэзии XX в. <…> У символистов *вечность* — абстрактное имя, которое содержит в себе семантику неподвижности, статики, определенного “конечного пункта”, где невозможно движение. <…> Во второй половине XX в. обращение к вечности в ряде поэтик становится не просто моделью поэтизма, но и примером “дурного тона”, поэтому нередок иронический контекст употребления слова *вечность*, благодаря чему *вечность*